

Евгений
ЧИЖОВ

Собиратель рая

ЕВГЕНИЙ ЧИЖОВ

СОБИРАТЕЛЬ РАЯ

РОМАН

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АСТ МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-59

Художник
Ирина Сальникова

Чижов, Евгений Львович.

Ч-59 Собиратель рая : роман / Евгений Чижов. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2019. — 315, [5] с. — (Проза нашего времени).

ISBN 978-5-17-117443-9

Евгений Чижов — автор книг “Темное прошлое человека будущего”, “Персонаж без роли”. Предыдущий роман, “Перевод с подстрочника”, вошел в шорт-лист крупных литературных премий и удостоился премии “Венец” Союза писателей Москвы.

“Собиратель рая” — о ностальгии. Но не столько о той сентиментальной эмоции, которая хорошо знакома большинству людей последних советских поколений, сколько о безжалостной неодолимой тяге, овладевающей человеком, когда ничто человеческое над ним более не властно и ни реальность, ни собственный разум его уже не удерживают. Это книга о людях, чья молодость пришлась на девяностые; о тех, кто разошелся со своим временем и заблудился в чужом; о сыне, ищущем мать, ушедшую от него в прошлое.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-117443-9

© Чижов Е.Л., 2019
© ООО “Издательство АСТ”, 2019

Так мы и пытаемся плыть вперед,
борясь с течением, а оно всё сносит и сносит
наши суденьишки обратно в прошлое.

Ф.С. Фицджеральд. Великий Гэтсби

*Dem Tod gegenüber originell sein zu wollen —
lächerlicher konnte nichts sein.*

М. Walser. Die Verteidigung der Kindheit*

* Нет ничего смешнее, чем пытаться
быть оригинальным перед лицом смерти (нем.).
М. Вальзер. Защита детства

Действующие лица и события книги выдуманы автором.

*Любое сходство с живыми либо умершими людьми
является случайным.*

Часть I

1.

Она свернула за угол и пошла по залитой белым зимним солнцем улице. Солнечный свет лежал на лице слабым теплом, и встречному холодному ветру не удавалось сдуть его — тепло укрывалось в глубоких морщинах и порах ее дряблой кожи, она чувствовала его и улыбалась. Идти было легко, она давно уже не испытывала при ходьбе такой легкости, как будто не только зимнее пальто, но и само ее грузное, обычно быстро устающее тело утратили в этом рассеянном свете часть своей тяжести. На перекрестке она повернула так, чтобы и дальше идти по солнцу, потом, когда новая улица кончилась, свернула еще раз и задумалась: “Куда теперь?” Блочные дома вокруг, беззвучно сверкающие стеклами, не то чтобы выглядели вовсе незна-

комьями, но они все теперь так похожи — поди разбери, те, не те.... Она прошла еще немного наугад из одного только удовольствия движения, надеясь, что дорога сама выведет ее куда надо, потом все-таки решила спросить. Но встречных не попадалось, вообще прохожих было мало, какой-то безлюдный район, как будто и не Москва вовсе... Или в рабочее время здесь всегда так? Хотя сегодня ведь, кажется, выходной... Тогда какой: суббота или воскресенье? На этот вопрос ответить она не могла, но после минутного размышления отбросила его: какая разница, не на работу же ей завтра, вечно она отвлекается на вещи, не имеющие никакого значения! Наконец увидела группу подростков у подъезда: парни в разноцветных шарфах болельщиков, девочки, подошла к ним и обратилась с той доверчивой и слегка театральной интонацией, которая, она знала, всегда располагает к ней людей:

— Молодые люди, не могли бы вы мне подсказать, как здесь выйти к проезду Художественного театра?

— Куда-куда?

Подростки обменялись взглядами и ухмылками. Она повторила вопрос, стараясь улыбаться так, чтобы на эту улыбку нельзя было ответить отказом. Но прыщавая девица на высоких каблуках, презрительно пожав плечами, ответила за всех:

— Без понятия.

А ее приятель, как будто бы и так не было ясно, что они ничего здесь не знают, добавил:

— Такого у нас тут нет...

Она пошла дальше, возмущенно думая о том, что у молодых спрашивать бесполезно, у них теперь в головах одно неприличие, сами не знают, где живут. Но возмущение быстро улеглось: не хотелось думать о пустяках под этим полнеба залившим сиянием такого редкого зимой солнца, отражающегося в окнах домов и стеклах машин у обочины; взгляд терялся в размноженном холодном блеске; она еще пару раз спросила дорогу у встречных женщин и, поскольку ни одна ей ничего толком не объяснила, перестала об этом беспокоиться. Скоро уже весна, тепло света на лице безошибочно говорило ей, что ждать осталось недолго. Как скоро? Ну, скоро, ясно же, что такое солнце может быть только перед весной (так она ушла от мелькнувшего было неудобного вопроса, какой сейчас месяц). А год? Вслед за месяцем врач обычно спрашивает у нее, какой у нас год, и она всегда (ну, почти всегда) с легкостью ему отвечает. Она и сейчас, конечно, помнит, просто не хочет на этом сосредотачиваться. Так ли это в самом деле важно? Недавно ведь отмечали этот... как его? Странное нерусское слово, заканчивающееся не то на "ом", не то на "ум" — ничего удивительного, что она его забыла, никогда же раньше в русском языке такого слова не было! Понапридумывают новых слов и хотят от нее, чтобы она их все помнила! В общем, переход из одного тысячелетия в следующее. В третье тысячелетие! Думала ли она в детстве, в довоенной еще Москве, что будет идти по ней в нача-

ле третьего тысячелетия?! Нет, конечно, не думала и думать не могла! А вот идет себе, как ни в чем не бывало, идет... только куда она идет?

Наконец повстречался мужчина того типа, который всегда ей нравился: представительный, но интеллигентный, в кожаном пальто и очках. При виде его она тут же вспомнила, что ищет проезд Художественного театра, и он сразу всё ей объяснил — такие мужчины неизменно выручали ее в нужную минуту, — правда, его ответ ее озадачил. Оказывается, надо ехать на метро в центр города. Значит, она и сюда приехала на метро? Как иначе она могла попасть из своего дома в проезде Художественного театра на эту безлюдную окраину? Но поездки на метро она почему-то совсем не запомнила. Она знала, что с ее памятью что-то происходит, и началось это, кажется, уже довольно давно, но вот помнила же она наизусть свой телефон — она мысленно произнесла его, старательно проговаривая про себя каждую цифру, — а метро куда-то бесследно улетучилось из ее головы. “Марина, меня зовут Марина”, — с расстановкой произнесла она без голоса, как обычно делала на всякий случай в минуты растерянности. (Не то чтобы она всерьез боялась забыть свое имя, но все-таки... чего не бывает.) А вредная соседка Галка звала ее Марина-мина. За взрывчатый характер, какой у нее был в детстве. Помнит же она и Галку, и ее старшего брата, и жакет, подаренный ей отцом, и как Галка им хвасталась... А такую ерунду, как поездка на метро, и запоминать ни к чему. Она с удо-

вольствием глубоко вдохнула нехолодный воздух и пошла к ближайшей станции, как показал ей мужчина в очках. Его объяснения, правда, уже успели выветриться из сознания, но общее направление она помнила верно.

Когда Кирилл вернулся с рынка, матери не было. Беспокоиться было еще рано: она не раз, случалось, задерживалась на своей ежедневной прогулке, зайдя в магазин или просто забыв о времени, несмотря на часы на руке. Правда, начинало смеркаться, это должно было напомнить ей, что пора домой. Она уже несколько раз терялась, но обычно кто-нибудь помогал ей найти обратный путь, хотя однажды Кириллу все-таки пришлось самому разыскивать ее на ночь глядя. Тогда, в начале зимы, он нашел мать на скамейке в четверти часа ходьбы от дома, отсутствующе глядящую на летевший под фонарем снег. Сказала, что устала, присела передохнуть. Сколько она просидела на этой скамейке, десять минут или три часа, за которые Кирилл, высунув язык, вдоль и поперек обрыскал чуть не весь район, дознаться у нее было невозможно: время текло для нее иначе, по-своему, и три часа, проведенные, глядя на снег, могли быть короче десяти минут. Смотреть на часы она не любила, а если и смотрела, то очень скоро забывала увиденное. Судя по снежным горкам, скопившимся на пальто и высокой меховой шляпе, напоминавшей шапку английского королевского гвардейца, несущего ка-

раул у Букингемского дворца, она пребывала в неподвижности уже довольно долго. Если бы Кирилл отыскал ее еще на час позже, мать бы всю занесло снегом, и скорее всего, даже не заметив этого, Марина Львовна могла бы превратиться в один большой сугроб. “Тут очень красиво”, — виновато сказала мать так, как если бы это нелепое, беспомощное “красиво” было оправданием, разом снимающим все вопросы. Он резко дернул ее за руку, точно надеялся этим рывком вернуть ее в чувство, и, ни слова больше не говоря, потащил за собой к дому. “Я иду, иду, — говорила Марина Львовна, — не нужно меня так тянуть!” Но Кирилл специально шел большими шагами, чуть не выдирая ей ладонь из запястья, чтобы она едва за ним поспевала, задыхалась и с шумом отдувалась на ходу, — должен же он был хоть как-то ее наказать!

Теперь у него был в запасе еще час, от силы полтора до наступления темноты. Если за это время мать не вернется, придется снова отправляться на поиски. А пока можно было перекусить — с утра во рту ни крошки, кроме кислого кофе с коржиком в кафе на рынке, — и разобрать сегодняшние приобретения. Кирилл поставил на плиту сковороду с картошкой, развязал рюкзак и стал выкладывать из него на стол вещи. Сначала из рюкзака появились пара потемневших медных подстаканников, номерок гардероба ресторана “Арагви” и грампластинка Зары Долухановой; к ним присоединились немецкая губная гармошка, зажигалка-патрон и канареечно-желтый

стиляжный галстук с силуэтом Манхэттена; последними с самого дна возникли металлическая рюмка с надписью “За победу”, футляр неизвестного предназначения и набор открыток с фотографиями актеров довоенного кино. Всё это было куплено за гроши на барахолке, где Кирилл был завсегдаем и проводил там почти каждые выходные. Часть этих вещей будет обменена, другая — подарена, наконец, третья сразу попадет в одну из его многочисленных коллекций: Кирилл собирал всё.

Ну, или почти всё. Антиквариат, изделия известных мастеров, дорогие вещи, с самого начала предназначенные для украшения жизни, его не интересовали и, если подворачивались, обычно сразу шли на перепродажу. Кирилл знал в них толк и умел на них зарабатывать благодаря связям в кругах серьезных людей, ищущих, во что вложить деньги, но весь его собирательский азарт был направлен на другое: на вещи заурядные, ширпотребные, которые никто подолгу не хранил, поэтому уцелеть они могли лишь случайно, забытые в темных углах кладовок или антресолей. Вся их ценность заключалась в накопленном ими времени и в аромате эпохи, сохранявшемся в них гораздо лучше, чем в антиквариате. Кирилл любил утилитарные вещи, утратившие свое назначение и смысл, и приносил домой вороха навеки вышедшей из моды одежды, монеты исчезнувших государств, марки давно не существующих стран, кокарды разбитых армий, погоны без шинелей, пуговицы без кителей. Он об-